

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

В серии «Мастера магического реализма» вышли:

БАРНС, Джонатан и др. ГОЛОСА ЧЕРТОВСКИ ТОНКИ
БЛЭК, Холли и др. ТРОПОЙ КОЙОТА
БЛЭК, Холли. САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА
БЛЭК, Холли. ХОЛОДНЫЙ ГОРОД
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ. В НОЧНОМ САДУ
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ. ГОРОДА МОНЕТ И ПРЯНОСТЕЙ
ГАЛИНА, Мария. АВТОХТОНЫ
ГЕЙМАН, Нил и др. ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ
ГЕЙМАН, Нил и др. ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ
ГЕЙМАН, Нил и др. ЗЕЛЕНый РЫЦАРЬ
ГЕЙМАН, Нил и др. КЛЫКИ
ГЕЙМАН, Нил и др. КУЛЬТ КТУЛХУ
ГЕЙМАН, Нил и др. ПЛЯСКА ФЭЙРИ
ГЕЙМАН, Нил и др. СБОРЩИК ДУШ
ГЕЙМАН, Нил и др. СТРАШНЫЕ СКАЗКИ
ГЕЙМАН, Нил и др. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ
ГЕЙМАН, Нил. АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ
ГЕЙМАН, Нил. ДЫМ И ЗЕРКАЛА
ГЕЙМАН, Нил. ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ
ГЕЙМАН, Нил. ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ
ГЕЙМАН, Нил. КОРАЛИНА
ГЕЙМАН, Нил. М – ЗНАЧИТ МАГИЯ
ГЕЙМАН, Нил. НИКОГДЕ
ГЕЙМАН, Нил. ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ
ГЕЙМАН, Нил. ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ
ГЕЙМАН, Нил. СЫНОВЬЯ АНАНСИ
ГЕЙМАН, Нил. ХРУПКИЕ ВЕЩИ
ГЕЙМАН, Нил. СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ
ГОВАРД, Роберт И. БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ
ГОВАРД, Роберт И. БОГИ БАЛ-САГОТА
ГРОССМАН, Лев. ВОЛШЕБНИКИ
ДЕ КАМП, Лайон С. ЛАВКРАФТ. ЖИВОЙ КТУЛХУ
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. ЗВЕРЛИНГИ. В ТЕНИ ДРУГОГО МИРА
ДЖОНСТОН, К.-Э. СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ
ДЖОНСТОН, К.-Э. СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ. ВЕРЕТЕНО
КУИНН, Сибери. УЖАС НА ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ЗОВ КТУЛХУ
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ
ЛАМЛИ, Брайан. МИФЫ КТУЛХУ. ХАГГОПИАНА И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
ЛАМЛИ, Брайан. МИФЫ КТУЛХУ. ПОРЧА И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ
МАКГВАЙР, Шеннон. В КАЖДОМ СЕРДЦЕ – ДВЕРЬ
МАККИЛЛИП, Патриция. БАРДЫ КОСТЯНОЙ РАВНИНЫ
МАРТИН, Джордж Р.Р. и др. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ НЬЮ-ЙОРК
НИР, Эллис. СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК УАЙЛД
НЭВИЛЛ, Адам. СУДНЫЕ ДНИ
ПО, Эдгар А. и др. МИРЫ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА
ПОЛЛОК, Том. СЫН ГОРОДА
ПОЛЛОК, Том. СТЕКЛЯННАЯ РЕСПУБЛИКА
СТОКЕР, Брэм. ДРАКУЛА
СТОКЕР, Брэм. ГОСТЬ ДРАКУЛЫ
СТРИТ, Карен Ли. ЭДГАР АЛЛАН ПО И ЛОНДОНСКИЙ МОНСТР
УОЛТОН, Джо. СРЕДИ ДРУГИХ
ХОДЖСОН, Уильям Х. ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ
ХОВАРД, Кэт. БЕССЕРДЕЧИЕ МАГОВ
ХОВАРД, Кэт. РОЗЫ И ТЛЕН
ХОДЖСОН, Уильям Х. КАРНАККИ – ОХОТНИК ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ

КАРЕН ЛИ СТРИТ

ЭДГАР АЛЛАЙН ПО
И ПЕРУАНСКОЕ
СОКРОВИЩЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4Вел)-44
С85

Karen Lee Street
EDGAR ALLAN POE AND THE JEWEL OF PERU

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Художественное оформление — *Василий Половец*

Стрит, Карен Ли.

С85 Эдгар Аллан По и Перуанское Сокровище : [фантастический роман] / Карен Ли Стрит; пер. с англ. Д.А. Старкова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-117159-9

США, Филадельфия, 1844 г.

Вражда между американскими нативистами и недавними иммигрантами из Ирландии нарастает день ото дня. Опасения Эдгара Аллана По за безопасность его жены, Вирджинии, и тещи, Мадди, усугубляет странная посылка — коробка с мумифицированными и расчлененными трупиками птиц. Неужели заклятый враг вернулся, дабы свести с ним старые счеты? Не менее странным оказывается приезд в Филадельфию Хелен Лоддидж, юной наследницы немалого состояния, и ее просьба. Возвращаясь из перуанской экспедиции, возлюбленный мисс Лоддидж погиб в филадельфийском порту, и она хочет, чтобы По выяснил причину его гибели.

К ее рассказам о предостережениях, якобы полученных от птиц, и о визите духа любимого По относится крайне скептически, но вот мисс Лоддидж похищена, и теперь писателю с помощью друга, шевалье Огюста Дюпена, предстоит распутать клубок тайн, в котором тесно переплелись давняя вражда, гибель задушевного друга, орнитомантия и легендарное Перуанское Сокровище.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117159-9

Copyright © Karen Lee Street 2018
© Старков Д.А., перевод на
русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моему отцу
и Мило.*

Где мой клад похоронен, не знает никто,
разве только небесные птицы.

Аристофан, «Птицы».*

* Пер. С.К. Апта.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПЯТНИЦА, 12 ЯНВАРЯ 1844 г.

Ее оставили у парадной двери с приходом ночи. Работая за столом у кухонного очага, я услышал негромкий стук в оконное стекло — возможно, всего лишь порыв ветра, швырнувший в окно горсть снежной крупы. Звук был почти неразличим, однако что-то в его природе встревожило меня, и я выглянул за окно. Снаружи царила непроглядная тьма. Тогда я прошел к двери и приотворил ее. Внутри, точно разгневанный дух, ворвалась стужа, но... Нет, вокруг — никого. Ни звука. Ни следа незваных гостей на белом пушистом снегу. Только сверток на ступенях крыльца — круглой формы, складки бурой оберточной бумаги скреплены восковой печатью и перетянуты бечевкой... Спина покрылась гусиной кожей. В тревожном нетерпении внес я посылку внутрь, водрузил на кухонный стол и поднял над нею лампу.

На обертке значилось мое имя и «Филадельфия». Чернила, впитываясь в бумагу, слегка расплылись. Я перерезал бечевку, сломал восковую печать и обнаружил внутри шляпную коробку из белой жести. Тревоги разом исчезли, уступив место радости. Шляпа моя столь изрядно пообносилась, что при внимательном рассмотрении являла собой сущий стыд —

должно быть, жена и ее мать сговорились подарить мне новую. Как это на них похоже!

До моего дня рождения оставалась еще целая неделя, но устоять я не смог: в конце концов, обертка все равно снята. Пальцы мои алчно потянулись к защелке. Но, стоило снять крышку и заглянуть в коробку, изнутри на меня уставились три пары обсидианово-черных глаз — глаз демонов! Поспешно прикрыв лицо ладонями, я отскочил назад: там, в шляпной коробке, съжились, хищно разинув прожорливые клювы, три ворона. Сейчас воздух задрожит от хлопанья крыльев, и птицы бросятся на меня! Я схватил кочергу и приготовился обороняться, однако тишину кухни не нарушало ничто, кроме моего собственного неровного дыхания. Не без опаски я снова шагнул к столу и осветил коробку лампой. Да, сомнений не оставалось: птицы мертвы.

Но облегчение оказалось недолгим. Вынув одно из пернатых созданий из сей экстравагантной могилы, я обнаружил, что голова птицы — а также крылья и лапы — отделены от тела. Что может значить этакая жестокость? Содрогаясь от отвращения, едва сдерживая тошноту, я выложил останки расчлененных птиц на оберточную бумагу, пошарил в коробке в поисках какой-либо записки, но не нашел ничего. Странно, но ни смертью, ни разложением из коробки не пахло: по видимому, птицы были мумифицированы, точно любимые ручные зверушки какого-нибудь египетского фараона, если не самого Владыки Смерти. Разумеется, эти дикие фантазии немедля выветрились из головы, но ужас мой отнюдь не пошел на убыль: ведь я знал, с абсолютной уверенностью знал, кто прислал мне эту троицу черных как смоль птиц. То был мой враг, заклятый, смертельный враг — Джордж Ринвик Уильямс, снова явившийся мучить меня!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЯТНИЦА, 19 ЯНВАРЯ 1844 г.

Мир превратился в собственный призрак. Все краски уступили место белизне, вокруг царил зловещий, жутковатый покой. Деревья так и сверкали в лучах восходящего солнца: за ночь, во время снега с дождем, их ветви покрылись льдом; река тянулась вдаль блестящей шелковой лентой, небрежно брошенной поверх пушистого плаща снегов. Казалось, воды реки тверды, как и окружавшие их земли, но я старательно держался берега, следуя памяти о ныне незримой, неразличимой тропке, которой ходил каждый день. В месяцы более теплые я, по давнему обыкновению, поднимался рано и купался в Скулкилле, а если для купания было слишком холодно, прогуливался вдоль берега, дабы красоты природы придали новых сил духу и телу. Вот и сегодня я следовал привычным путем, глубокий снег заглушал шаги, на поверхности льда буйно плясали отблески солнца, и в этом хрустальном мире, среди этой неземной красоты, не было ни одной живой души, кроме меня.

— Ки-и-рах!

Неумолимую тишину прорезал пронзительный крик — пожалуй, то был крик ястреба или какого-то иного воздушного хищника. Я запрокинул голову и оглядел небо, но не

увидел ничего. Вдруг кусочек небес спорхнул вниз, пронесся надо мною и приземлился на обледенелую ветку дуба.

— Ки-и-рах! — крикнула голосом ястреба пересмешница-сойка, задиристо приплясывая на ветке.

— Ки-и-рах! — точно в ответ на вызов, откликнулись с неба.

Растопырив когти, к огромному дубу, где устроилась сойка, пронесся через реку красноплечий канюк. Очевидно, совершенно не рассчитав нападения, он врзался в верхние ветви, в самую крону дуба, много выше обманщицы. Но нет, глаз канюка оказался куда острее моего: его появление спугнуло крупную птицу, которой я и не заметил, — столь превосходно она слилась с корой дерева. Покинув укрытие, виргинский филин мерно, неторопливо заработал крыльями и взмыл в утреннее небо. Канюк, яростно хлопая крыльями, рванулся в погоню и в следующий же миг настиг филина. Острые когти хищника впились в добычу, в воздухе закружились вырванные перья и пух. Филин развернулся и тоже нанес удар, вцепившись когтями в рыжеватое брюхо канюка. Не разжимая хватки, терзая друг дружку клювами, хищники полетели вниз и клубком рухнули в снег. Под ударами крыльев смерчем взметнулись вверх снежные хлопья, девственная белизна окрасилась алыми брызгами, воздух задрожал от режущих уши криков. Надеясь испугнуть противников и тем принудить обоих к временному перемирию, я поспешно принялся лепить снежок, но прежде, чем мне выпала возможность вмешаться в дела природы, пернатые бойцы вскочили, вместе, точно некие древние демоны из глубин преисподней, взмыли в небо, и тут же разделились — один устремился на север, другой же полетел на юг.

— Ки-и-рах!

В последний раз передразнив канюка, голубая сойка тоже спорхнула с ветки, медленно, как ни в чем не бывало, пересекла Скулкилл и скрылась, я же остался дрожать на берегу. Снежок в руках леденит пальцы, кровавое зрелище наполнило душу тревогой.

Первой, кого я увидел, приближаясь к нашему кирпичному домику на Седьмой Северной, оказалась моя теща, деловито счищавшая лед с дорожки, ведущей к крыльцу. Она постоянно пребывала в движении, без усталости работала по дому и твердо отвергала все предложения помощи и уговоры отдохнуть, неизменно отвечая: «Трудолюбие угодно Господу» либо «Усердие — само себе награда». Безделье «Мадди», как называли ее мы с женой, вовсе не радовало, и со временем мы привыкли не возражать, но ценить тот факт, что, благодаря теще, наша жизнь становится куда удобнее. Невзирая на все старания, я все еще не мог зарабатывать редактурой и продажей собственных стихов да рассказов достаточно, чтоб содержать семью на тот манер, на который хотел бы — вернее, на тот, коего они заслуживали, и трудолюбивой, житейски практичной теще был бесконечно благодарен. Сколь часто она спасала нас от впадения в нужду, беря на дом шитье и стирку, собирая съедобные растения, дабы дополнить ими наш рацион, и упорно торгуясь на рынке!

— Прекрасно, не правда ли? — заметил я, указывая на толстый ледяной покров, искрившийся на ветвях деревьев, на крыше дома и на укрытой снегом земле.

— Этим веткам, скорее всего, не выдержать, — сказала Мадди, кивнув в сторону высокого вяза, — а когда снег начнет таять, мы потеряем и кое-какие из деревьев поменьше.

Взглянув на тонкие деревья, изящно изогнувшиеся под тяжестью льда, я понял, что мрачные предсказания Мадди, скорее всего, верны, и несколько пал духом, однако в этот момент на порог вышла моя жена Вирджиния, моя дорогая Сисси, и на сердце снова стало легко и радостно.

— О, Эдди, какое великолепиие! Совсем как в царстве фей!

Плечи жены украшала та самая пейслийская* шерстяная шаль, что я привез ей из Лондона, красота коей никак не мог-

* «Пейсли» — набивной или тканый рисунок, имитирующий узоры кашемировых шалей (здесь и далее — прим. переводчика).

ла соперничать с ее собственной. Павший на ее каштановые локоны солнечный свет заставил их заиграть глянцевыми медными отблесками, словно бы проявив тот разноцветный глянец, что сокрыт в оперении птиц.

— Именно то же думал и я во время прогулки. Просто волшебнo, не так ли?

Поспешно поднявшись на крыльцо, я заключил Сисси в объятия.

— Да ты же совсем замерз!

С этими словами она потянула меня в теплую кухню, где в печи бушевал огонь, а на плите грелись овсянка и кофе.

— Расскажи, что ты сегодня видел у реки, — сказала она, накрывая мне завтрак. — Мне так не хватает наших прогулок! Еще немного, и я с ума сойду, сидя здесь, взаперти!

— Река прекрасна — полностью замерзла, сверкает на солнце, а ветви деревьев по берегам все до единой скованы льдом. Однако, — поспешно добавил я, видя тоску в ее взгляде, — вся эта красота крайне коварна. Несмотря на башмаки, я оскальзывался и падал не менее полудюжины раз. Какой урон для моего достоинства!

— Думаю, ты преувеличиваешь, чтоб мне было не так обидно!

— Ничуть! И не грусти: весна не за горами. Уж лучше немного потерпеть, чем сломать ногу и провести взаперти, в четырех стенах, еще месяц, а то и больше.

— Я не настолько хрупка, как кажется вам с мамой. И вполне могла бы пройти по заснеженному речному берегу без всякого вреда для себя.

— Коварен скорее не снег, а лед: его куда труднее разглядеть под ногами, а чтоб не поскользнуться — хоть кошки надевай. А между тем ты вовсе не так крепка, как утверждаешь.

Дабы лишить истину своих слов острого жала, я поцеловал жену в щеку. Сложением Сисси и впрямь обладала хрупким, но искренне сердилась, когда я либо Мадди пытался, как она выражалась, «пылинки с нее сдувать».

— А еще сегодня у реки на моих глазах разыгралось необычайное представление, — добавил я. — Просто-таки... птичья война!

Рассказ о столкновении канюка с филином Сисси слушала, точно замороженная.

— Как все это странно и чудесно! Даже не знаю, кому бы желала победы, филину или канюку. Пожалуй, все-таки филину. Совы да филины — столь загадочные, таинственные ночные создания... и как это, должно быть, волнующе — увидеть одного из них при свете дня!

— Но ведь и красноплечий канюк великолепен, — возразил я. — Такой смелый, отчаянный малый, и как элегантен: пестрые перья, желтые когти и клюв!.. И как величаво парит в облаках, в токах теплого воздуха!

— Однако виргинский филин столь же прекрасен на вид. Золотистые глаза, полосатые, будто тигриная шкура, перья, и кажется необычайно мудрым! Думаю, это из-за тех перьев над глазами, что так похожи на брови.

— Этак ты вскоре заставишь его шеголять в жилетке, с моноклем в глазу, да дымить пенковой трубкой, точно мудрого гнома из детских сказок, — улыбнулся я. — Ну, а что скажешь о плутовке-пересмешнице, о голубой сойке? Как по-твоему, каковы могли быть ее побуждения? Ведь это же она посеяла меж ними вражду.

— Самосохранение, — поразмыслив, ответила Сисси. — Сойка ведь понимала, что легко может стать завтраком и для канюка, и для филина, вот и решила стравить их друг с дружкой. Если ей повезет, ни тот ни другой, опасаясь новой встречи с заклятым врагом, не вернется туда, на берег Скулкилла, а значит, ее гнезду на том дубе больше ничто не грозит.

Объяснение жены выглядело вполне правдоподобным, и посему привело меня в великолепное расположение духа. Утренние впечатления были настолько странны и ярки, что я едва не принял происшедшее за дурное знамение, каким-то непостижимым образом связанное с ужасающей посылкой,

оставленной кем-то на нашем парадном крыльце неделю тому назад.

Между тем Сисси слегка задрожала и плотнее закуталась в шаль.

— Идем, посидим в гостиной? Мадди затопила камин, а мне хотелось бы сыграть тебе одну вещицу.

— Разумеется, дорогая.

Стоило мне следом за Сисси пройти из кухни в гостиную, Катарина, свернувшаяся калачиком в моем кресле, подняла взгляд, выгнула спину и потянулась, но насиженного места не оставила — просто позволила мне присесть и снова свернулась калачиком, уже у меня на коленях. Дважды моргнув на меня зелеными глазами, кошка вновь погрузилась в дрему и довольно замурлыкала. Моя ладонь легла на черепаховый мех ее спинки, а пальцы Вирджинии коснулись струн, извлекая из них первые ноты.

— Как-то утречком весенним прогуляться вышел я,
Чтоб послушать птичий щебет да рулады соловья,
Вижу: юная девица нежным голосом поет:
«Там, за тем кустом зеленым, он меня смиренно ждет».

Узнав эту народную песню, я улыбнулся, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Как же приятно было слушать голос Сисси, сопровождаемый мурлыканьем Катарини! Жена чудесно играла на фортепьяно, однако стоило ей взяться за арфу — и душа моя неизменно воспаряла к небесам.

— Не нужны мне ленты, юбки, и сорочка не нужна.
Идти замуж ради шелка? Не настолько я бедна!
Обещаешь быть мне верен до доски до гробовой?
Так и быть: любовь забуду, назовусь твоей женой.

Наслаждаясь стихами, я принялся безмолвно, не нарушая красоты голоса Сисси собственным, подпевать жене. Едва песня завершилась, рядом захлопали в ладоши. Открыв глаза, я увидел в соседнем кресле тещу. Целиком сосредоточив-

шись на пении Сисси, я даже не заметил ни ее прихода, ни появления на столе, совсем рядом со мной, конверта и пары свертков в коричневой оберточной бумаге.

— А ты уж думал, мы обо всем позабыли, — со смехом воскликнула Сисси. — Мама не верила, что ты поддашься на нашу хитрость, но, судя по твоему взгляду, сюрприз удался.

— В самом деле, любовь моя. И ваша жестокость радует меня не меньше, чем вас самих.

Признаться, я сам запамятовал о собственном дне рождения, но, дабы не портить их розыгрыша, ни словом о сем не заикнулся. Жена (ведь ей-то всего двадцать один) от души радовалась всем этим годовщинам рождения и прочим праздникам, находя в них лишь повод порадовать любимых, но я в свои тридцать пять только тревожился обо всем том, чего еще не достиг.

— Попробуешь угадать, что внутри? Или снова оставишь нас в тревоге, вцепившись в какой-нибудь новый рассказ, будто пес в мозговую кость?

— Конечно, я уже пытаюсь! Применяя к сему все известные мне принципы аналитического мышления.

— И... ваш вердикт, сэр? — осведомилась жена.

Изображая предельную сосредоточенность, я впился взглядом в свертки и конверт на столе.

— Полагаю, вот здесь — волшебный кошелек, в котором никогда не иссякнет золото. А здесь — неисчерпаемый кладезь идей. Но этот, последний, драгоценнее всех прочих, ибо там, внутри — сосуд вашей любви ко мне, что никогда не ослабевает, несмотря на все испытания, через которые я вас провел.

— Все верно! И как ты только догадался?

Окинув взглядом нас с Сисси, Мадди с добродушным недоумением покачала головой, как делала всякий раз, когда наши причуды брали над нами верх.

— Что ж, давайте посмотрим на эти чудесные дары!

Приняв из рук Мадди первый сверток, я развернул бумагу. Внутри оказался шарф и пара теплых носков — то и другое связано из шерсти цвета слоновой кости.